

Вечер памяти Д.В. Сарабьянова.

К 90-летию со дня рождения

Государственная
Третьяковская галерея
10.10.2013

Вечер памяти Дмитрия Владимировича Сарабьянова (1923–2013), состоявшийся 10 октября в Государственной Третьяковской галерее, был приурочен к 90-летию со дня рождения выдающегося ученого.

Вечер открыла директор Государственной Третьяковской галереи Ирина Владимировна Лебедева. Она начала свое выступление следующими словами: «Сегодня Дмитрию Владимировичу Сарабьянову исполнилось бы 90 лет. Именно

в этот день мы устраиваем вечер, посвященный памяти человека, которого, наверное, знают все, кто в той или иной степени причастен к изучению истории отечественного искусства. Дмитрий Владимирович Сарабьянов – это целая эпоха в искусствоведении. Людей, которые держали бы такую высокую планку науки, бывает в каждом поколении немного, и сейчас особенно важно помнить о них».

Татьяна Львовна Карпова, заместитель директора ГТГ по научной работе отметила то, что часто «из отдельных положений книг и статей Дмитрия Владимировича рождались у его учеников и коллег целые монографии, концепции выставок. Не случайно, что мы сегодня вспоминаем о нем в Третьяковской галерее. Дмитрий Владимирович участвовал в конференциях ГТГ. Здесь работает много его учеников. Мы приходили к нему с нашими новыми идеями, публикациями, ждали его одобрения, совета – это было нашей потребностью».

Поделались своими воспоминаниями ученики и младшие коллеги Д.В. Сарабьянова; они говорили о его преподавательской деятельности на отделении истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и об участии любимого учителя в профессиональном становлении учеников, об удивительной атмосфере его гостеприимного дома.

Вечер памяти Д.В. Сарабьянова. К 90-летию со дня рождения. Выступает Т.Л. Карпова, заместитель директора ГТГ по научной работе. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Выступает М.М. Алленов, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Михаил Михайлович Алленов, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, упомянул о «сближающих моментах» ученика и учителя, начиная со студенческих времен: «На четвертом курсе был спецсеминар. И там была тема, по тем временам необычайно смелая – “Бубновый валет и литературные направления 1910-х годов”. Я был молодой и взял эту страшную тему. Дмитрий Владимирович написал заключение к моей курсовой: «Никаких претензий. Прекрасная работа». Затем М.М. Алленов говорил о том, как впоследствии ему, аспиранту, имя Сарабьянова открывало «двери в хранилища совершенно закрытого Русского музея», рассказывал о совместных посещениях консерватории. «По вечерам, когда заканчивались концерты, мы заходили к Дмитрию Владимировичу. Он пел, играл на фортепиано. У него была большая домашняя библиотека. И как он в ней ориентировался! Бывало, скажешь: “Мне нужно это и это”, – он тут же все находил. И я его так прозвал про себя: “Находилкин”. Что очень неожиданно и поздно для меня обнаружилось – это стихи Дмитрия Владимировича... Список трудов и перечень заслуг Сарабьянова можно найти во многих изданиях. Но он имеет малое отношение к природе тех чувств, которые испытывают к личности Дмитрия Владимировича его ученики и вообще гуманитарное сообщество».

Наталья Львовна Адаскина, заведующая отделом графики XX века ГТГ, говорила об особой заслуге Д.В. Сарабьянова в формировании понимания искусства начала XX века. «Дмитрий Владимирович сумел сделать так, что это искусство стало для нас близким, родным. Он помог восстановить связь времен и увидеть общность того, что делали художники начала столетия, и того, что появлялось в наше время, например, на выставке к 30-летию МОСХа. Благодаря Дмитрию Владимировичу мы почувствовали искусство Лентулова, Кузнецова, Чюрлениса не как ушедшее куда-то в глубину истории, а как то, что было недавно и что питает современное искусство». Адаскина вспоминала о дальнейшей профессиональной совместной работе с учителем (например, в комиссии по авангарду), о его помощи при исследовании его творчества Любови Поповой.

Андрей Андреевич Золотов, историк искусства, художественный критик, музыковед, профессор, представил Д.В. Сарабьянова как «образ человека, преданного искусству, образ писателя об искусстве, образ мыслителя об искусстве, образ поэта». Он отметил, что Сарабьянов, действительный член Российской академии наук, может быть, последний в ряду выдающихся искусствоведов, которые были удостоены этого высокого академического звания. «И, если критика Бориса Асафьева (он же – Игорь Глебов), полного академика, летела на кры-

*Вечер памяти
Д.В. Сарабьянова.
К 90-летию со дня
рождения. На сцене –
поэт и историк
искусства Ю.М. Куб-
лановский. Государ-
ственная Третьяков-
ская галерея, Москва*

льях его композиторского мастерства, если искусствоведческая мысль Игоря Грабаря, тоже полного академика, летела на крыльях живописи, то научные деяния академика Сарабьянова определялись размахом крыльев его поэтической натуры».

Анатолий Генрихович Найман, поэт, переводчик, эссеист, сказал, что «искусствознание в том виде, в каком воплощал его собой Сарабьянов, возвращает, насколько это возможно, произведению искусства состояние, в котором оно пребывало, когда сотворилось. По каким-то признакам истории искусства такого калибра и масштаба восстанавливает «прижизненные» черты висящей на стене закрашенной холстины, извлекает из нее вдохновение, которое испытывал, стоя перед ней, сам живописец, обнаруживает идеи, интересы, темы, моду того общества и той поры, когда создавалась картина. Всему тому, что останавливает нас перед музейным шедевром, вызывая восторг, и что выражается невнятным “что-то в этом есть”, Сарабьянов давал точное историко-художественное определение». *А.Г. Найман закончил выступление чтением своего стихотворения «Станковая ода», посвященного Д.В. Сарабьянову.*

Стихотворение «Жаркое лето 2010 года. Дмитрию Сарабьянову» прочел и *историк искусства и поэт Юрий Михайлович Кублановский.*

Вечер памяти Д.В. Сарабьянова. К 90-летию со дня рождения. Выступает А.А. Золотов, академик РАН. Государственная Третьяковская галерея, Москва

Он вспоминал, что во время его работы над дипломом «Станковое творчество Сапунова» «имя Сарабьянова открывало двери запасников и Третьяковки, и Русского музея, а также частных домов Питера». Он поделился незабываемыми впечатлениями о пребывании с Сарабьяновым на летних практиках, о вечеринках с танцами в мастерской в районе Лубянки. «Как поразительно закольцована судьба, – говорил Кублановский. – Когда в середине 90-х годов я стал заведовать отделом поэзии в журнале “Новый мир”, Дмитрий Владимирович предложил туда свои стихи. А я до того и не знал, что он пишет стихи. Первая публикация Сарабьянова была подготовлена мною, и она была в “Новом мире”... Я помню, с ка-

ким сильным чувством я читал его прекрасное стихотворение по поводу варварской акции – “На снос военторга”, а потом и опубликовал его».

Сергей Валерьевич Хачатуров, историк искусства, критик, доцент кафедры истории отечественного искусства МГУ, прочитал текст, написанный в память о Дмитрие Владимировиче. Начиная он следующими словами: «Академика РАН, профессора МГУ Дмитрия Владимировича Сарабьянова совершенно точно можно назвать планетой – настолько мощным, всеобъемлющим и универсальным был его свет. В течение 90 лет планета находилась в орбите Земли, а сейчас она удалилась в вечность. Однако присутствие планеты Сарабьянова осталось в россыпи звезд, свет которых ощутим и в науке, и в музейном мире, и в широком культурном сообществе. Звезды эти – его труды, книги, его ученики». По мнению *С.В. Хачатурова*, «в основании планеты Сарабьянов находятся три кита.

Первый – исследование русского авангарда, открытия, сделанные в этой области начиная с 1980-х годов. Можно сказать, способностью свободно судить об авангарде и понимать его язык мы во многом обязаны Дмитрию Владимировичу. <...> И во многом благодаря Дмитрию Владимировичу авангард стал базовой ценностью не только русской, но и мировой культуры.

Второй кит – умение ввести русское искусство в западноевропейский контекст, при этом оттенив своеобразие и своеобычность отечественной традиции. Еще в самый разгар эпохи застоя, в 1980 году вышла монография ученого “Русская живопись XIX века среди европейских школ: опыт сравнительного исследования”. Если сопоставить ее с той традицией интерпретации русского искусства, что сложилась в соцреалистическую эпоху 1930–70-х годов, то... книга Сарабьянова – это как если бы мы после заточения в душном чулане вышли в поле и вздохнули полной грудью. И кончился период изоляции, и началась свободная жизнь потрясающе интересного общения с миром.

Третий кит – сближение искусствознания с философией. В отечественной науке об искусстве Дмитрия Владимировича можно сопоста-

Вечер памяти Д.В. Сарабьянова. К 90-летию со дня рождения. Елена Борисовна Мурина. Государственная Третьяковская галерея, Москва

вить с личностью Юрия Михайловича Лотмана в науке о литературе: максимальное расширение границ и сфер интерпретации, свободная апелляция к различным текстам культуры в обоих случаях помогает понять события объемно и сложно, в резонансной среде между прошлым и будущим. <...> Планете «Сарабьянов» уготован в мировом пространстве вечный путь», – такими словами закончился текст, прочитанный *С.В. Хачатуровым*.

Среди выступающих на вечере был художник *Павел Фёдорович Никонов*, друг Дмитрия Владимировича и его сосед по жизни в деревне. «Мои первые впечатления: утро раннее, тишина полная, она нарушается мелкой дробью, тиканьем машинки, – делится своими воспоминаниями *П.Ф. Никонов*. – Дима уже сидит и пишет. И вот эта трель сопровождала каждое наше лето в деревне. Невероятная работоспособность Димы заставляла и меня подниматься пораньше и немедленно работать. Причем, звук пишущей машинки сопровождал меня до той поры, пока не появился компьютер. Местные жители сначала недоумевали. Они видели, как Сарабьянов сидит у окна, и им казалось, что он печатает деньги. Потом, когда они узнали, что он профессор, академик, они страшно зауважали Диму. Отношение к Диме местного населения было невероятно теплым и очень уважительным. И не только потому, что они видели, как он неустанно трудится. Он, между прочим, умел и веселиться. В середине лета, 21 июля, на Казанскую, в нашей деревне Алексино праздник. Традиция празднования существовала испокон века; сначала местный люд сидит по своим избам, потом вдруг где-то играет гармошка, туда собирается вся деревня, и начинаются частушки. И каково было удивление деревенских, когда вдруг выскочил Дима, стал плясать и петь “солёные”, острые частушки... Еще уважали его и за невероятное чувство долга. Отношение местных властей к дачникам было настороженным: “Приехали – дорог нет, хлеба нет, что вы тут делаете?” И нас загружали работой в колхозе. Заставляли и убирать лен, и косить траву. Надо сказать, что Дима мог освободиться от этой обязанности, учитывая, что он был ветераном войны и возраст имел солидный, но он никогда не отказывался от работы». А какое неизгладимое впечатление производили на студентов-художников лекции Дмитрия Владимировича, которые он читал по просьбе *П.Ф. Никонова*: «Они были просто ошеломлены глубиной, серьезностью тех проблем, которые ставил перед ними Дима». В конце своего выступления *П.Ф. Никонов* вспомнил последнюю осень Дмитрия Владимировича в деревне: «Ночью в конце сентября я вышел прогуляться с собакой. Люди в основном уже разъехались. Моросил дождь, было темно. Светилось только одно окошко. В нем – Дима. Что он делал – писал ли книгу, раскладывал ли пасьянс, который был спутником его размышлений?.. И я думал: кто он, этот человек? Ученый? Философ? Поэт? Великий интеллигент России – вот он кто, Дмитрий Владимирович Сарабьянов».

Вечер закончился показом видеозаписи, которая была сделана в 90-е годы для телевидения, и слайд-фильма о жизни *Д.В. Сарабьянова*,

Вечер памяти Д.В. Сарабьянова. К 90-летию со дня рождения. На сцене – разные поколения «древа сарабьяновского». Государственная Третьяковская галерея, Москва

а также чтением его стихов, отобранных вдовой *Еленой Борисовной Муриной*, известным искусствоведом. Последнее стихотворение Дмитрия Владимировича датировано 21 апреля 2013 года:

Хочешь, не хочешь,
 Живи до конца,
 До последнего вздоха.
 Не вздумай нырнуть,
 Не удаляйся,
 Не прячь лица.
 Утихомирь хотя бы чуть-чуть
 Рокот протеста.
 Ты в роли отца, деда, прадеда,
 Здесь твоя суть,
 Здесь твой проложен путь.

Андрей Дмитриевич Сарабьянов, искусствовед, эксперт, издатель поблагодарил от имени членов семьи всех присутствующих на вечере и конкретно тех, «кто так тепло и нежно говорил о нашем отце». И в ответ на последнее прозвучавшее стихотворение попросил выйти на сцену всех представителей «древа сарабьяновского».

Лия Чечик